

нѣтъ, только съ этихъ поръ до отставки Каразина мы не имѣемъ ни одного рѣзкаго его письма къ «власть имущимъ», хотя быть «въ опеку» людей, нежелавшихъ ему помогать, Каразинъ не хотѣлъ, да и не могъ, и продолжалъ самостоятельныя дѣйствія, кончившіяся исполненіемъ угрозъ Тимковского. «Набѣжало сугубое ненастье». Главною, во всякомъ случаѣ ближайшей причиной устраненія В. Н. Каразина отъ дѣлъ, была покупка имъ эстамповъ и наемъ мастеровъ для университета.

ГЛАВА V.

П а д е н і е.

(1804).

Дѣло объ эстампахъ. Дѣло о художникахъ и результатъ его для Каразина. Занятія въ комитетѣ по дѣламъ Харьковскаго университета. Отставка и удаленіе отъ дѣлъ Харьковскаго университета. Причины удаленія Каразина со сцены общественно-официальной дѣятельности.

Проектъ освобожденія Сербіи и характеристика Каразинымъ своей дѣятельности начала 800-хъ годовъ. Связь съ университетомъ послѣ отставки. Внѣслужебныя занятія въ періодъ 1801—1804 гг. Открытіе Харьковскаго университета и отношеніе общества къ В. Н. Каразину послѣ отставки.

Въ концѣ 1803 г. или въ январѣ 1804 г. В. Н. Каразинъ купилъ у г. Аделунга, почетнаго члена Московскаго университета и многихъ иностранныхъ ученыхъ и другихъ обществъ и воспитателя великихъ князей¹⁾, 2477 шт. эстамповъ, за 5.000 руб., которыя заплатилъ деньгами, взятыми заимообразно изъ городской думы на нужды университета (2.000 р.), изъ пожертвованія на него купца Аникѣева (2.000 руб.), пожертвованія До-

¹⁾ «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя. Письмо В. Н. Каразина отъ 31-го марта 1805 г. въ комитетъ правленія Харьковскаго университета стр. 139—140.

нецъ-Захаржевскаго (500 руб.) и взято имъ третняго жаловащя адъюнкта Каретникова, выданнаго ему на проѣздъ до Харькова (416 р. 66 коп.). Подлинность эстамповъ была письменно засвидѣтельствована извѣстнымъ археологомъ Келлеромъ, хранителемъ Императорскаго кабинета эстамповъ, живописцами Лабунскимъ и Кюгельхеномъ, профессоромъ скульптуры Академіи художествъ Прокофьевымъ и др. Всѣ эти лица признали, что «собраніе это весьма рѣдкое, и въ особенности удобное служить къ изученію гравировальнаго искусства, и при томъ заключающее лучшіе образцы величайшихъ мастеровъ всѣхъ временъ сего искусства» ¹⁾. Причина этой покупки намъ будетъ вполне ясна, такъ какъ по предначертанію Харьковскаго университета В. Н. Каразина, принятому дворянствомъ 20 авг. 1802 г. и подписанному 31-го авг., въ немъ должно было быть «отдѣленіе пріятныхъ искусствъ и отдѣленіе художествъ» ²⁾, для котораго, имѣя официальное порученіе попечителя С. О. Потоцкаго вести подготовительныя хлопоты для открытія университета, Василій Назаровичъ пріобрѣлъ рѣдкіе предметы. Когда В. Н. Каразинъ просилъ уплатить затраченныя имъ деньги, правленіе университета, стѣсненное въ матеріальныхъ средствахъ, колебалось выдать крупную сумму Каразину, счета котораго съ университетомъ къ этому времени сильно запутались, и комитетъ никакъ не могъ ихъ распутать. Состоялось наконецъ постановленіе—выдать Каразину деньги за покупку эстамповъ (всѣ профессора были на сторонѣ его ³⁾; но выяснились новыя обстоятельства въ расходованіи университетскихъ суммъ ⁴⁾, и Потоцкій запретилъ выдачу денегъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1803 г. В. Н. Каразинъ доставилъ Новосильцеву 10.000 руб. университетскихъ денегъ, о чемъ представилъ и расписку почтовой конторы; но въ отчетѣ Новосильцева о расходованіи суммъ за 1803 г. значилось полученными имъ только 6.000 руб., а относительно остальныхъ 4.000 руб. была получена расписка Каразина въ полученіи ихъ обратно и истраченныхъ, вѣроятно, на многочисленныя нужды университета. Въ виду такого педочета суммъ, денегъ Каразину не выдали. Между тѣмъ городская дума настойчиво требовала отъ университета возврата выданныхъ на нужды его Каразину 2.000 р., и В. Н. Ка-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872. CLIX, стр. 79.

²⁾ «Русск. Стар.» 75 г. т. XIII; тоже въ протоколѣ дворянъ Молодикъ за 1844 г. стр. 252.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. т. CLIX.

⁴⁾ Тамъ же.

разинъ долженъ былъ расплатиться изъ собственныхъ средствъ, порядкомъ уже разстроенныхъ послѣ заклада имѣнія. Справедливъ-ли былъ приговоръ правленія университета по дѣлу эстамповъ? Н. А. Лавровскій въ статьѣ «Василій Назаровичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета» склоняется къ такому мнѣнію, называя его «неисправимо-плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ» «вслѣдствіе патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами»¹⁾, приобрѣтшимъ ненужныя вещи, которыя лежатъ въ продолженіе 65 лѣтъ безъ употребленія²⁾, на которыя «непроизводительно» затрачены несоизмѣримыя съ ихъ достоинствами для университета деньги³⁾, (основываясь на мнѣніи профессора Делавинья и Баллю, бывшихъ экспертами по дѣлу объ эстампахъ), и все было сдѣлано для того, чтобы «ловко отдѣлаться отъ вліятельной рекомендаціи», такъ какъ «продавцами и оцѣнщиками были лица, тѣсно примыкавшія къ придворному міру»⁴⁾. Память В. Н. Каразина освобождена уже отъ этихъ обвиненій. Проф. Д. И. Багалъя разбиралъ и отвергнулъ ихъ въ своемъ сочиненіи: «Опытъ Исторіи Харьковскаго университета»⁵⁾. Путаница въ счетахъ дѣйствительно существовала, но она происходила не отъ одной патріархальной простоты Каразина въ расходованіи казенныхъ денегъ: она вызвана была, главнымъ образомъ, тѣми условіями, при которыхъ приходилось дѣйствовать Каразину—предоставленными ему обширными полномочіями, отсутствіемъ опредѣленнаго назначенія для суммъ патріотическаго фонда, постояннымъ хропическимъ запаздываніемъ при назначеніи штатныхъ денегъ, сильно тормазившимъ открытіе университета, отсутствіемъ на мѣстѣ въ Харьковѣ попечителя Потоцкаго и вызванною этимъ необходимостью споспѣять по дѣламъ университета съ лицомъ, проживающимъ въ Петербургѣ и обремененнымъ множествомъ своихъ служебныхъ обязанностей... при такихъ условіяхъ трудно было ожидать аккуратнаго счетоводства». Въ томъ же сочиненіи приводится неизданное письмо В. Н. Каразина, которое, по замѣчанію Д. И. Багалъя, могъ писать только человекъ, «вполнѣ убѣжденный въ своей правотѣ и въ важности оказанныхъ имъ университету услугъ». Это письмо служитъ прямымъ отвѣтомъ и какъ бы возраженіемъ Н. А. Лавровскому. «Я не имѣлъ пужды», пишетъ В. Н. Каразинъ: «въ вѣрющихъ уполномочіяхъ, кромѣ

1) Тамъ же I гл. II стр. 137—141, глава IV стр. 442—446 страница 84.

2) Журн. Мин. Нар. Пр. 1872. ч. СЛХ, стр. 85.

3) Тамъ же стр. 71 и 86.

4) Тамъ же стр. 85 и 86.

5) Тамъ I гл. II стр. 137—141; гл. IV стр. 442—446.

явныхъ и всѣмъ извѣстныхъ въ пользу университета дѣйствій и моею къ тому привязанности»... «Если иногда съ трудомъ могъ я употреблять въ расходъ суммы для сего столь великодушно его императорскимъ величествомъ назначенныя, то, не отлагая ни мало, тогда же замѣнялъ оныя своею собственностью». «Всякому извѣстно, что въ университетъ получено было болѣе, чѣмъ на 20.000 руб. всякаго рода вещей»... Въ сужденіи о непригодности къ нуждамъ университета покупки Каразина Н. А. Лавровскій ссылается на отзывъ ректора Харьковскаго университета, который заявилъ, что приобрѣтеніе эстамповъ «издержка не совсѣмъ необходимая», но надо помнить, что В. Н. Каразинъ покупалъ вещи не для университета, по нѣмецкому образцу» устроенаго, каковымъ онъ сдѣлался ко времени этого отзыва¹⁾, а для своей общеобразовательной и общеподготовительной школы, проектъ которой къ тому же былъ одобренъ и дворянствомъ, первоначально вызвавшимся и давшимъ средства устроить университетъ. Покупка В. Н. Каразина совсѣмъ не оказалась столь ненужной, какъ говорить Н. А. Лавровскій. «При университетѣ до 1859 г. были классы рисованія, и для нихъ гравюры давали богатый матеріалъ и при изученіи рисунка, и для мотивовъ орнамента»²⁾. Также не состоятеленъ упрекъ въ непрактичности покупки, такъ какъ на основаніи показаній специалиста³⁾ «гравюры эти особенно цѣнятся въ промышленныхъ музеяхъ, а также при Академіяхъ художествъ и въ настоящее время цѣнность подобныхъ гравюръ стоитъ, по свидѣтельству Вессели, «въ десять разъ выше того, что въ каталогахъ прошлаго столѣтія и перваго десятилѣтія настоящаго»⁴⁾. Но обиднѣе всего, это слышать упрекъ В. Н. Каразину въ стремленіи поддержать свой престижъ «предъ лицами, тѣсно примыкавшими къ придворному міру», на счетъ университетскихъ денегъ. Онъ какъ бы предполагалъ обиду и въ скобкахъ письма въ комитетъ по поводу расходованія суммы прибавляетъ: на цѣну всему собранію эстамповъ «согласились мы съ г. Адельунгомъ послѣ продолжавшагося *многіе мѣсяцы* торгу»; трудно предположить, чтобы такъ долго торговались съ людьми, когда боятся потерять ихъ вліяніе и расположеніе.

---

¹⁾ Изъ сатиры Лавровскаго видно, что отзывъ Рижскаго былъ данъ послѣ 10 іюля 1805 г.

²⁾ «Опытъ ист. Х. ун-та» проф. Багалѣя стр. 448—449.

³⁾ Е. К. Рѣдинъ; «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя 442 стр.

⁴⁾ «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя 448 стр.

Какъ бы то ни было разобранный случай указываетъ на безконтрольное и совершенно самостоятельное распоряженіе В. Н. Каразина университетскими суммами; что наблюдается и въ злосчастномъ случаѣ о «художникахъ», послужившемъ ближайшимъ поводомъ къ отстраненію его отъ университетскихъ дѣлъ, а вскорѣ и полной отставкѣ. Изъ письма къ Тимковскому можно заключить, что В. Н. Каразинъ еще въ концѣ 1803 г. ¹⁾ началъ посылать въ Харьковъ партіи работниковъ-ремесленниковъ разныхъ специальностей для производства на мѣстѣ работъ, необходимыхъ для университета. Въ началѣ 1804 г. въ Харьковъ прибыло уже 32 семейства мастеровъ, между которыми находились чулочные фабриканты, замшеники, ткачи и кожевники. Последнее обстоятельство объясняется назначеніемъ, которое хотѣлъ дать выписаннымъ лицамъ Каразинъ. Посылая ихъ въ Харьковъ, онъ соблюдалъ не только интересы университета, но и города ²⁾, такъ какъ, «главнымъ предметомъ учрежденія университета было благосостояніе полуденнаго края Россіи» ³⁾. Такое соединеніе интересовъ университета и города Василий Назаровичъ думалъ однако произвести при помощи средствъ одного университета, что и послужило причиной долгаго и непріятнаго дѣла ⁴⁾. Каразинъ заплатилъ изъ своихъ средствъ на обзаведеніе и проѣздъ около 12.000 руб. нанятымъ имъ лицамъ, изъ которыхъ 9.000 р. должны были быть погашены работой, а 3.000 р. отдавались имъ безвозмездно. На мастеровъ Каразинъ возлагалъ большія надежды, заботясь о нихъ самымъ отеческимъ образомъ. Въ письмѣ къ Шишкину, помогавшему Тимковскому въ хозяйственной части, отъ 18-го ноября 1803 г. онъ проситъ «удовлетворить художниковъ», показать имъ всевозможное пособіе въ нанятіи квартиръ и въ первоначальномъ ихъ продовольствіи». «Въ семь», писалъ онъ, «полагаю на Васъ, милостивый государь мой, всю мою надежду; вамъ извѣстно, сколь важно не привести въ уныніе ремесленника. Я писалъ Егору Егоровичу ⁵⁾, чтобы онъ вспомо-

1) «Кіевск. Стар.» 1891 г. т. XXXIV.

2) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1872 г. янв. 89. Письмо къ Шишкину отъ 17 ноября 1803 г.

3) Письмо къ Тимковскому отъ 1-го окт. 1803 г. „Кіевск. Стар.“ 1891 г. т. XXXIV.

4) Случай съ „художниками“ детальнымъ образомъ разобранъ по первоисточникамъ у Н. А. Лавровскаго въ Журн. М. Н. Пр. янв. 1872 г. 86—98 и у проф. Д. И. Багалія въ его „Опытъ ист. Х. ун.“ т. I, гл. II стр. 141—145.

5) Е. Е. Урюпинъ, харьковскій городской голова.

ществовать вамъ всѣми мѣрами». Въ другомъ письмѣ къ Шишкину, онъ проситъ «успокоить ихъ (художниковъ) съ дороги, снабдить ихъ съѣстнымъ» и даже рекомендуетъ средство, какъ исправить одного изъ художниковъ (Марковича) отъ «невоздержаннаго поведенія». Между тѣмъ профессоръ и студенты еще не съѣзжались въ Харьковъ, и специалистамъ, способнымъ удовлетворять частные заказы дѣлать было нечего; денежные затрудненія университета не разрѣшались, работы шли поэтому еще вяло; а прибывшіе люди требовали себѣ на содержаніе денегъ. Шишкинъ довелъ дѣло до свѣдѣнія Новосильцева, который отнесся къ министру ¹⁾. Завадовскій отвѣтилъ ²⁾, что расходовать разрѣшаетъ только штатныя деньги, а такъ какъ на мастеровъ денегъ не ассигновалось, то и прекратить немедленно выдачу ихъ. Расходы на художниковъ, дѣло которыхъ лежало на совѣсти у Каразина и которыхъ онъ не могъ потому покинуть, однако продолжалось; Шишкинъ по обязанности допосылъ о томъ въ Петербургъ; разсерженный Завадовскій потребовалъ у Потоцкаго разъясненій. Послѣдній, узнавъ о случившемся, поспѣшилъ возвратиться въ Россію, и въ мартѣ 1804 г. былъ уже въ Харьковѣ ³⁾.—Не зная точно пастроенія въ Петербургѣ и не видя особеннаго вреда въ художникахъ, «большая часть которыхъ совершенно необходима» ⁴⁾, Потоцкій 19 апр. 1804 г. представилъ дѣло о художникахъ министру народнаго просвѣщенія въ надлежащемъ свѣтѣ, хотя и упрекалъ Каразина въ «неосмотрительности» и въ несоблюденіи «правиль», однако оправдывалъ его дѣйствія большой пользой, имѣвшейся въ виду отъ художниковъ и всѣми похвальными прочими предпріятіями Каразина. Отъ прямого заключенія Потоцкій уклонился: «всѣми такими причинами убѣждаясь, говоритъ онъ, перечисливъ выгоды предпріятія, но не преклоняясь въ пользу Каразина, я передаю это дѣло на рѣшеніе вашего сіятельства». Въ тотъ же день, какъ бы въ доказательство внутренняго признанія невинности Каразина, предоставлено было ему, вслѣдствіе предложенія попечителя отъ 19 апр. и согласно его вызову, дѣлать заказы законтрактованнымъ имъ ремесленникамъ, а равно и разнымъ художникамъ.

¹⁾ 13 янв. 1804 г. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1872 г. янв. 30.

²⁾ 8 февр. Тамъ же.

³⁾ Отпускъ Потоцкому былъ данъ по 15 марта 1804 г. «Сѣв. Пчела» 1850 г. № 92. „Письмо Потоцкаго къ В. Н. Каразину“ за № 5.

⁴⁾ Донесеніе министру нар. просв. 19 апр. 1804 г.

Этимъ приказомъ Потоцкій вводилъ В. Н. Каразина въ члены официалнаго комитета, установленнаго 11 апрѣля изъ профессоровъ. Между послѣдними были распредѣлены обязанности, которыя несли раньше Каразинъ и Тимковскій ¹⁾; оба послѣднія лица вошли въ составъ комитета *de facto*, вѣроятно съ 11-го же числа, такъ какъ 15 апр. В. Н. Каразинъ уже сносился съ Комитетомъ, «на основаніи обязанности, возложенной на него попечителемъ» ²⁾. О дѣятельности Каразина въ качествѣ члена комитета по дѣламъ Харьковскаго университета имѣемъ свѣдѣнія почти исключительно изъ собственноручныхъ бумагъ Каразина, поданныхъ въ комитетъ въ разное время (15 стр.—6 іюля 1804 г.) и недавно найденныхъ въ архивѣ Харьковскаго университета.

По вступленіи въ должность попечителя Харьковскаго Округа, гр. С. О. Потоцкій сообщилъ главному правленію училищъ о своемъ намѣреніи отправить для обозрѣнія Округа особаго визитатора. Правленіе вполне одобрило мысль попечителя, находя, что «такое мѣстное, личное изслѣдованіе невозможно замѣнить требованіемъ письменныхъ свѣдѣній и вообще никакими другими средствами, въ разсужденіи особливо новости нынѣшняго устройства училищной части въ имперіи» ³⁾. Этимъ визитаторомъ былъ, вѣроятно, В. Н. Каразинъ. 18-го мая онъ просилъ комитетъ хлопотать у губерпатора подорожную на 4 лошади, такъ какъ попечитель командировалъ его «въ разныя мѣста по слободско-украинской губерніи и сосѣдственнымъ къ оному округу принадлежащимъ губерніямъ». О полномочіяхъ, данныхъ В. Н. Каразину Потоцкимъ, свидѣлствуетъ заявленіе перваго въ комитетъ отъ 7 мая 1804 г., гдѣ говорится, что Потоцкій поручилъ Каразину «учредить» въ богодуховскомъ уѣздѣ слободско-украинской губ. уѣзднаго и 2-хъ или 3-хъ приходскихъ училищъ. Чѣмъ кончилась *визитація* Каразина, изъ бумагъ не видно; остальные документы говорятъ только о заботахъ его по хозяйственной части университета. Въ этой области В. Н. Каразинъ входилъ въ малѣйшія подробности, старался не забыть послѣднихъ мелочей: готовились чернильницы, подсвѣчники, каѳедры, шкафы для книгъ, инструментовъ, переплетались книги, изготовлялись тюфяки для студентовъ и проч., обставлялись лабораторіи, аудиторіи и помѣщеніе правленія университета,—однимъ словомъ, отчеты, представленные Каразиннымъ комитету, свидѣлствуютъ

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., январь, стр. 9.

²⁾ Донесеніе въ комитетъ отъ 15 апр. 1804 г. Историч. арх. Харьк. ун. Бумага не занумерована.

³⁾ Рождественскій «Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв.» Спб. 1902, стр. 55.

объ энергичномъ и очень внимательномъ отношеніи Каразина къ дѣлу устроенія университета, которое онъ намѣренъ былъ *совершенно закончить* къ іюлю 1804 г. ¹⁾.

Пока Каразинъ хлопоталъ въ комитетѣ, дѣло объ эстампахъ и художникахъ шло своимъ чередомъ. Донесеніе Потоцкаго было представлено Завадовскимъ на усмотрѣніе государя, «который остался очень недоволенъ» дѣйствіями Каразина, но приказалъ выдать ему затраченныя деньги «изъ суммъ, вносимыхъ отъ городскихъ приношеній» ²⁾. На представленіе Завадовскаго для высочайшей конфирмаціи указаннаго рѣшенія, что было 18 іюня 1804 г., Каразину, какъ расходовавшему самовольно «безъ всякаго дозволенія начальства», «въ видѣ потребныхъ работъ для университета», и «неимѣвшему на таковыя расходы отъ начальства предписанія», было повелѣно «объявить строжайшій выговоръ и запретить мѣшаться въ дѣла университета» ³⁾, о чемъ 20 іюня министръ и увѣдомлялъ Потоцкаго. Не только Каразинъ, но и самъ Потоцкій повидимому не ожидалъ подобной развязки дѣла. Въ бумагахъ, хранящихся въ фундамент. библ. Харьк. ун-та, есть письмо, а можетъ быть и официальное отношеніе, по всей вѣроятности, гр. С. О. Потоцкаго на имя В. Н. Каразина, *уполномочивающее* послѣдняго заниматься въ комитетѣ и содѣйствовать ему всѣми способами ⁴⁾. Бумага эта осталась безъ подписи вслѣдствіе

---

¹⁾ Донесеніе въ комитетъ отъ 23 мая 1804 года. Неизданный документъ.

²⁾ Лавровскій «Журн. Мин. Н. Пр.» 1872 г. явв., стр. 9. В. Н. Каразинъ былъ въ это время въ Харьковѣ; 27-го февр. 1804 г. онъ обратился къ гр. Завадовскому съ прошеніемъ въ 6-ти мѣсячный отпускъ въ слоб.-укр. губ.; это время, какъ видно изъ прошенія, онъ намѣревался употребить на хлопоты по университету, хотя причинойставлялъ разстроенное здоровье свое. Въ виду стѣснительныхъ своихъ матеріальныхъ обстоятельствъ, Каразинъ просилъ жалованье, получаемое имъ, какъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія, пересылать въ слоб.-укр. губ. Неиздан. матеріалы, извлечен. изъ архива Мин. Нар. Пров. проф. Д. И. Багалъемъ.

³⁾ Лавровскій. Ж. Мин. Нар. Пр. зъ 1872 г. январь. стр. 9.

⁴⁾ «М. Г. мой Василій Назаріевичъ! Увольненіе ваше въ отпускъ отъ дѣлъ главнаго правленія училищъ представляетъ мнѣ вождельный случай, при учрежденіи мною комитета правленія по дѣламъ Харьковскаго университета, просить васъ симъ, М. Г. мой, по извѣстности вамъ всего, что доселѣ происходило въ главномъ правленіи училищъ, споспѣшествовать комитету во всѣхъ случаяхъ, гдѣ вы заблагоразсудите дать ему свои замѣчанія о происходившемъ или сообщить свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее,

полученнаго, можетъ быть, отношенія министра съ приказаніемъ удалить отъ дѣлъ университета В. Н. Каразина. Неизвѣстно, когда пришло въ Харьковъ предписаніе Завадовскаго, но донесенія Каразина въ комитетъ свидѣтельствуютъ, что 6 іюля В. Н. отправлялся въ Петербургъ. 5 іюля Каразинъ представилъ въ даръ университету «собраніе моделей» и «собраніе книгъ и диссертаций» ¹⁾. Бумага, при которой препровождались подарки, написанная самимъ В. Н. Каразинымъ, заставляетъ предполагать, что онъ уже зналъ о постигшей его непріятности ²⁾. 6-го іюля Каразинъ отдалъ отчетъ комитету о послѣднихъ своихъ дѣйствіяхъ, высказалъ нѣсколько неисполненныхъ плановъ, которые хотѣлось бы ему видѣть осуществленными, и отправился въ Петербургъ. В. Н. надѣялся, можетъ быть, на то, что онъ будетъ въ состояніи повернуть обратно колесо фортуны, но было уже поздно; своего единственнаго защитника, государя, онъ потерялъ, а враги не хотѣли помогать ему. 11-го августа 1804 г. В. Н. Каразинъ подалъ прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи отъ службы по разстроенному здоровью съ просьбой наградить его слѣдующимъ чиномъ за выслугу лѣтъ (3 года съ мѣсяцами), согласно манифесту 18 февр. 1762 года. Подъ поданнымъ прошеніемъ былъ написанъ указъ государя сенату уволить «правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ отъ должности, коллежскаго совѣтника Каразина, съ пожалованіемъ ему чина статскаго совѣтника» ³⁾. О причинахъ отставки формуляръ Каразина молчитъ,

удѣляя на сіе нѣсколько отъ времени пребываній вашихъ въ Харьковѣ. Тѣмъ болѣе побуждаюсь къ сей просьбѣ, что мнѣ извѣстно усердіе, съ каковымъ содѣйствовали вы къ учрежденію университета, и что я увѣренъ въ расположеніи вашемъ способствовать и впредь ко благу сего заведенія. Іюля 15 дня 1804 г. Харьковъ. Его высокоблагородію г-ну правит. главн. правл. уч. кол. сов. и кав. В. Н. Каразину.

¹⁾ Между послѣдними сочиненіе о мунгалахъ, на что ссылается Н. А. Лавровскій въ статьѣ «В. Н. Каразинъ и основ. Харьк. ун-та».

²⁾ Донесеніе въ комитетъ начинается такъ: „Принадлежа Харьковскому университету, такъ какъ я ему принадлежу, непростительно было бы давать на замѣчаніе его начальства какое либо свое ему приношеніе. И нынѣ представилъ бы я безмолвно въ библіотеку его маловажное при семъ подносимое собраніе моделей“... „если бъ не нужно было донести высокопочтенному комитету, что я желалъ бы“... (чтобы коллекціи остались нетронутыми до пріѣзда Каразина изъ Петербурга). Донесеніе по дѣламъ Х. ун-та ст. сов. Каразина отъ 5 іюля 1804 г.

³⁾ Изъ неизданныхъ бумагъ, извлеченныхъ проф. Д. И. Багалѣемъ изъ архива Минист. Нар. Просв.

видить лишь слѣдующую фразу: «Продолжая дѣятельно участвовать въ устройствѣ всего принадлежащаго къ упомянутому Харьковскому университету, по необходимости въ художникахъ въ гор. Харьковѣ, доставилъ туда тридцать два семейства мастеровъ на собственномъ иждивеніи (хотя въ послѣдствіи по особенной высочайшей милости, употребленная имъ на то сумма 12.200 р. была ему возвращена)». Отставленъ съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника 27 авг. 1804 года» ¹⁾).

Мы уже пытались въ началѣ разбора дѣла о художникахъ дать оцѣнку дѣйствіямъ В. Н. Каразина. Основанія въ донесеніи Завадовскаго, конечно, несправедливы: «дозволеніе отъ начальства» было дано Каразину 2 раза письмомъ Потоцкаго при отѣздѣ за границу и назначеніемъ его членомъ комитета; что же касается самого Завадовскаго, то онъ не могъ не знать о назначеніи Каразина членомъ комитета, а о довѣренности Потоцкаго онъ ничего не зналъ, какъ это видно изъ отношенія его къ Новосильцеву отъ 8-го февр. 1804 г.: «о довѣренности попечителя я не вѣдалъ» — писалъ онъ ²⁾ и воспользовался только случаемъ развязаться съ безпокойнымъ человѣкомъ, представивъ дѣло государю въ сгущенныхъ краскахъ ³⁾. Поведеніе Потоцкаго не совсемъ открытое. 19 апрѣля онъ поручилъ Каразину заботы о художникахъ, а, пріѣхавъ въ Петербургъ и видя непріязнь къ нему министра въ бумагѣ комитету отъ 4 іюня, признаетъ ни съ того ни съ сего порученіе, данное Каразину, «за ненужное». Въ этой же бумагѣ онъ дѣлаетъ въ лицѣ комитета Каразину выговоръ за то, что тотъ по порученію комитета хлопоталъ предъ губернаторами о приглашеніи въ университетъ молодыхъ людей, такъ какъ Каразинъ де былъ назначенъ только какъ «le membre consultant» для доставленія комитету свѣдѣній о томъ, что сдѣлано во время его (Потоцкаго) отсутствія, но, въ наставленіи комитету Потоцкій, предоставилъ Каразину право «сообщать свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее время» ⁴⁾, и въ этомъ случаѣ Каразинъ уже не является только *membre consultant*.

¹⁾ Копія съ формул. списка 1830 года. Патентъ на чинъ статскаго совѣтника былъ данъ 26 сент. 1804 г. за личною подписью имп. Александра I и кн. А. Чарторижскаго. Копія съ него хранится въ Архивѣ Харьк. Двор. Дея. Собранія въ дѣлѣ по внес. въ дв. род. кн. за 1828 г. № 32, листъ 4-й.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г. январь, стр. 90.

³⁾ См. докладъ Завадовскаго, тамъ же, стр. 91—92.

⁴⁾ Изъ Историч. Арх. Харьк. ун-та. Документъ незанумерованъ. См. также Ж. М. Н. Пр. 1872, янв., 95 стр.

Виповать Васи́лій Назаровичъ развѣ только тѣмъ, что не сообразоваль свои обширныя планы съ планами тѣхъ, кто поручалъ дѣлать ему расходы.

Случай съ художниками назвали мы *ближайшимъ поводомъ* къ отставкѣ Васи́лія Назаровича—и не случайно. Ничего ужаснаго и особенно вреднаго дѣло не представляло; это можно видѣть и изъ донесеній Потоцкаго, указывавшаго на необходимость большей части ремесленниковъ, изъ постановленія государя, признавашаго справедливымъ уплатить деньги Васи́лію Назаровичу и отставившаго его отъ дѣлъ съ повышеніемъ чина. Слѣдовательно, не это обстоятельство было *причиной* удаленія Каразина отъ дѣлъ.

В. Анастасевичъ, упоминая вскользь о счетахъ съ университетомъ, полагалъ главной, если не единственной, причиной удаленіе Каразина дѣло Надаржинской, въ которомъ тотъ принималъ столь горячее участіе, и увозъ кадета Кондратьева изъ Петербурга: «враги Васи́лія Назаровича могли внушить государю, что въ самомъ дѣлѣ цѣль его была корысть, а не страсть душевная къ сей черезъ него дѣло выигравшей дѣвицѣ» Но изъ хронологическихъ данныхъ видно, что указанные происшествія были задолго до отставки Каразина и, слѣдовательно, могли имѣть влияние только косвенное. Дѣло Надаржинской кончилось до авг. 1802 г., а отставка—27 авг. 1804 г.; согласно запискамъ Державина, справедливость рѣшенія засвидѣтельствована и самимъ Державинымъ, и Зубовымъ, и государемъ, подписавшимъ указъ Сенату. Почему бы государю быть недовольнымъ на Каразина за то, что онъ хлопоталъ за правое дѣло? Что увозъ кадета былъ причиной отставки Каразина, это намъ кажется вовсе не вѣроятнымъ. За то стоитъ и самая незначительность проступка, и собственноручное письмо къ Каразину государя (еще въ февралѣ 1803 г.) вмѣстѣ съ выговоромъ, заключающее и прощеніе. Но что Державинъ и другіе могли чернить Каразина во мнѣніи государя тѣмъ или инымъ способомъ—весьма возможно; самъ Каразинъ догадывался о томъ, упоминая въ письмѣ 8-го авг. 1802 г. къ государю о клеветѣ, «очернившей его». Г. П. Данилевскій того мнѣнія, что «Каразинъ самъ своею заносчивостью испортилъ свою дорогу, что при этой заносчивости и незнаніи чуждой ему почвы, самой небольшой интриги враговъ достаточно было, чтобы смять его и выставить предъ государемъ въ самомъ черномъ видѣ»¹⁾. Н. А. Лавровскій думалъ, что «наибольшая»

---

¹⁾ «Украинская Старина Г. П. Данилевскаго», стр. 111. Ярославскій и Чириковъ тоже приурочиваютъ отставку Каразина къ дѣлу Надаржинской.

причина удаленія Каразина «заключалась въ немъ самомъ, въ его заносчивости и самонадѣянности; также въ недостаточномъ знаніи жизни и людей—качествахъ, дѣлавшихъ невыносимымъ его значеніе при Дворѣ и его вліяніе на ходъ тогдашней высшей администраціи. При отсутствіи этихъ чертъ характера и, слѣдовательно, при болѣе благонадежномъ положеніи при Дворѣ, промахи въ распоряженіяхъ по Харьковскому университету легко могли и не обратить на себя столь строгаго вниманія и не повлечь за собой столь рѣшительныхъ мѣръ. Совершенно справедливо замѣчаніе, что на судьбу В. Н. Каразина имѣло большое значеніе ненадежное положеніе его при Дворѣ, а не самыя ошибки, что причины этой ненадежности коренились въ характерѣ его, въ его «самонадѣянности», но нельзя согласиться съ «заносчивостью» Каразина. Мы не считаемъ справедливымъ отнести нѣкоторыя рѣзкости его по отношенію къ министрамъ и даже государю къ «заносчивости» характера; Василиемъ Назаровичемъ скорѣе руководила самонадѣянность», основанная на правотѣ своихъ дѣйствій, его увѣренность, что всегда найдутся люди поддержать его «правду» ¹⁾, которую онъ никому не стѣснялся высказывать; это не заносчивость, а точнѣе «нетактичность», выражаясь современнымъ языкомъ ²⁾. Въ самонадѣянности, по въ «неопытной», а не въ *ошибочной*, признавался и самъ Василій Назаровичъ: «Да, говорилъ онъ съ грустною улыбкой въ концѣ своей жизни: «я былъ неопытно самонадѣянъ. Я былъ бабочкой, опалившей себя крылья и зрѣніе въ сферѣ, куда мнѣ, скромному труженику науки, не слѣдовало залетать» ³⁾. Неосторожность Каразина также имѣла мѣсто въ его характерѣ ⁴⁾. Итакъ, одна важная причина—

¹⁾ См. письмо къ Тимковскому отъ 1-го окт. 1803 г. Кіев. Стар. 1891 г. т. XXXIV; письма къ Государю за весь 1803 г. Русск. Стар. 1875 г. т. XIII, XVI и др.

²⁾ Примѣромъ такой нетактичности можетъ служить неосторожность Василя Назаровича въ отзывѣ о Завадовскомъ—что де послѣдній *носитъ* Государю имѣ обработанныя бумаги (Анастасевичъ и Данилевскій).

³⁾ «Украинская Старина». Подробное свѣдѣніе находимъ и въ запискѣ Анастасевича. Филасьфъ Васильевичъ Каразинъ говоритъ, что его отецъ никогда не могъ говорить подобныхъ словъ; но подобное заключеніе голословно. (См. Сѣв. Пч. за 1860 г. № 92 прим. Ф. В. Каразина). См. также письмо В. Н. Каразина къ государю въ Русск. Стар. 1903 г., апр., стр. 9—10, прим. 2.

⁴⁾ Анастасевичъ приводитъ со словъ Языкова такой фактъ. Императоръ Александръ I поручилъ Каразину «написать статью по части законодательства съ тѣмъ, чтобы до времени не говорить о ней. Ва-

это самъ Василій Назаровичъ Каразинъ. «Основной чертой его характера, говоритъ проф. Д. И. Багалъй является страстность, несдержанность, порывистость. Не даромъ современники называли его *tête chaude* (горячей головой ¹⁾). Это объясняется его происхожденіемъ и послѣдственностью: въ его жилахъ текла южная горячая кровь ²⁾. «Причины охлажденія къ Каразину императора,—дастъ г. Я. В. Абрамовъ наиболѣе полное объясненіе,—крылись какъ въ характерѣ самого Каразина, такъ и въ характерѣ Александра I, и наконецъ, въ положеніи Василя Назаровича среди лицъ, окружавшихъ Александра I, въ эту эпоху» ³⁾. Дѣйствительно, непостоянство этого государя ни для кого не тайна. «Первые годы своего царствованія, Александръ былъ окруженъ тѣснымъ кружкомъ, состоявшимъ изъ Строганова, Новосильцева, Чарторыжскаго и Кочубея. Отношенія его къ этимъ лицамъ—отношенія близкой тѣсной дружбы. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ—и послѣ Тильзитскаго мира названные лица сходятъ со сцены. Наступаетъ очередь Сперанскаго; онъ не только министръ, но и другъ Александра I. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ Сперанскій не только падаетъ, но и попадаетъ въ ссылку. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ лицъ, дѣло доходитъ до мистиковъ и наконецъ до Аракчеева, Фотія и Магницкаго» ⁴⁾. Привязанность Александра

силій Назаровичъ не утерпѣлъ и прочелъ ее Державину, забывъ предупрежденіе его о секретѣ статьи. Когда Державинъ былъ съ докладомъ у государя и тотъ показалъ ему статью съ предложеніемъ дать отзывъ, Державинъ отвѣтилъ, что уже читалъ ее. Государь спросилъ—у кого, и неосторожность Каразина раскрылась. «Записка В. Н. Каразина» Чтенія 61 т. I стр. 199.

¹⁾ Собственное замѣчаніе о себѣ В. Н. Каразина въ запискѣ кн. А. А. Чарторыжскому отъ 27 ноября 1804 г. Рус. Стар. 1871 г. т III. стр. 710.

²⁾ Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина «Записки Харьков. универ. 1893 г. т. I, стр. 28.

³⁾ В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность. «Спб. 1901 г. стр. 48.

⁴⁾ Абрамовъ «В. Н. Каразинъ». Стр. 49. «Александръ (Русск. Старина 1899 г. авг. 403 стр. «Императоръ Александръ I (его характеристика по сочиненію Шильдера т. II) умѣлъ проникнуть въ сердце человѣка и, подмѣтивъ его особенности, выказывалъ сочувствіе имъ, какъ бы находя горячій отголосокъ имъ въ своемъ сердцѣ. Этимъ онъ окончательно влюблялъ въ себя. Именно это выраженіе «влюблялъ» должно быть примѣнено къ опредѣленію чувствъ, которыя онъ пробуждалъ въ Лагарпѣ, Каразинѣ, Парротѣ и многихъ другихъ. Когда же почему-либо онъ переставалъ интересоваться ими, то

Павловича не могла быть, такимъ образомъ, прочной, и какъ внезапно появилась, такъ внезапно и исчезала. В. Н. Каразинъ лишился своей единственной поддержки, на которую возлагалъ свои надежды. «Противъ Каразина дѣйствовала интрига», повторяетъ Я. В. Абрамовъ мысль перваго біографа Г. П. Данилевскаго. Предположеніе это имѣетъ большую вѣроятность. «Близость къ государю никому почти неизвѣстнаго «новаго» человѣка не могла поправиться «неразлучнымъ» государя Чарторыжскому, Новосильцеву, Строганову и Кочубею, хотя нѣкоторые изъ этихъ лицъ, какъ напр. Чарторыжскій и, въ особенности, Новосильцевъ, относились весьма сочувственно къ Василию Назаровичу въ университетскомъ дѣлѣ. Но въ особенности появленіе на сценѣ Каразина произвело непріятное впечатлѣніе на стариковъ Екатерининскихъ временъ, такъ рѣзко выразившихъ ему свою непріязнь, Державина и Завадовскаго, которымъ хотѣлось жить покойнѣе и степеннѣе, чѣмъ это требовалъ Василій Назаровичъ со своими плапами и кипучей жаждой дѣятельности, которымъ онъ, какъ назойливая муха, страшно надоѣдалъ и побуждалъ къ болѣе живой дѣятельности, и вліянія котораго на государя они очень боялись, предполагая, а можетъ быть и навѣрное зная о правдивыхъ запискахъ къ послѣднему, направленныхъ противъ нихъ¹⁾. Сюда присоединялись и такіе мелкіе счеты, какъ, напр., желаніе Завадовскаго освободить мѣсто «правителя дѣлъ главн. правл. училищъ» для воспитателя его дѣтей Мартынова²⁾, акад. Фуса, пелюбившаго Каразина за противорѣчіе въ мнѣніяхъ объ университетахъ и постановкѣ народнаго образованія въ Россіи. Надо замѣтить, что этотъ самый Фусъ сильно повредившій Василию Назаровичу впослѣдствіи, попалъ въ члены сперва комиссіи,

отношеніе къ нимъ круто измѣнилось. Такъ, Каразинъ по малѣйшему подозрѣнію былъ схваченъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а пока выяснилась его полная невинность, онъ цѣлые 6 мѣсяц. провель въ мрачномъ казематѣ».

1) Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ такъ говоритъ и объясняетъ нелюбовь Державина къ его отцу: «Пѣвцу Фелицы, Екатерининскому сенатору, Александровскому министру, не могло быть слишкомъ пріятно видѣть себя поставленнымъ на одну доску съ какимъ то коллежскимъ совѣтникомъ; при томъ же онъ былъ совсѣмъ противоположнаго образа мыслей и зная это, находясь часто вмѣстѣ: одинъ всегда льститъ, другой говоритъ правду; не мудрено, что льстивый хотѣлъ очернить нелестиваго!» Выписки изъ «Сѣверной Пчелы» за 1860 г.

2) Анастасевичъ и Фил. Вас. Каразинъ. Рус. Ст. 1875, т. XVI, стр. 474.

потомъ главнаго управленія училищъ, и получалъ за то 2000 р. въ годъ, сверхъ своего академичнаго жалованья по представительству Каразина.

Такимъ образомъ, не увозъ кадета изъ Петербурга и дѣло Надаржинской имѣло послѣдствіемъ уходъ В. Н. Каразина со сцены официально-общественной дѣятельности, какъ это полагали долгое время¹⁾, и не непроизводительныя его траты казенныхъ денегъ, какъ думалъ Н. А. Лавровскій, а недоброжелательство къ Каразину начальствующихъ лицъ, воспользовавшихся нѣкоторыми недостатками его характера и охлажденіемъ къ нему непостояннаго императора Александра.—Въ такомъ смыслѣ понималъ свое несчастье и самъ В. Н. Каразинъ. «Личное благоволеніе ко мнѣ его величества», писалъ онъ въ 1812 г. адмиралу А. С. Шишкову, — «я разстроилъ моими неосторожностями, съ помощію, можетъ быть, моихъ недоброжелателей. *Можетъ быть* я теперь присовокуплю, ибо стою уже на 40-вомъ году жизни. Тогда я обвинялъ интригу²⁾».

Василій Назаровичъ со страхомъ могъ думать о грозящей ему судьбѣ жить, можетъ быть, до самой смерти въ глуши своего разстроеннаго имѣнія, среди некультурнаго общества, ему, который сжился съ мыслью дѣйствовать на широкую руку въ Петербургѣ и у котораго было еще столько силъ и энергіи, готовыхъ оттуда излиться на благо родины. Этотъ то постоянный притокъ не могъ остановиться; онъ искалъ себѣ выхода.

Въ 1804 г. сербы возстали противъ турокъ. Каразинъ получалъ письма, извѣщавшія его о томъ, что въ Сербіи готовится посольство къ императору Александру съ просьбою о заступничествѣ. Дѣйствительно, вскорѣ сербское посольство во главѣ съ Ненадовичемъ выѣхало въ Петербургъ. Проѣзжало посольство, между прочимъ, черезъ Харьковъ, гдѣ жили соотечественники сербовъ—профессора университета Стойкевичъ и Филипповичъ. Всѣ эти лица были знакомы и, вѣроятно, приглашали въ свой кружокъ Василя Назаровича, который имъ могъ быть полезенъ, какъ человѣкъ знакомый съ высшими сферами и какъ сочувствующій славянскому дѣлу. Разказы о несчастьяхъ сербскаго народа произвели дѣйствіе на впечатлительнаго Каразина и вызвали вновь его сдержанную на время энергію.³⁾ Новая отчаян-

¹⁾ Ярославскій, Анастасевичъ, Чприковъ.

²⁾ Русск. Стар. 1871 г. т. IV, стр. 80.

³⁾ Докладъ проф. М. С. Дринова въ засѣданіи филологическаго общества при Харьк. унив. 10 февр. 1904 г.

ная идея осѣтила Каразина; отцовская кровь закипѣла въ немъ, и 21 поября онъ подаетъ записку кн. А. А. Чарторыжскому, въ которой предлагаетъ себя агентомъ въ Сербію для тайнаго направленія народнаго движенія въ пользу независимости этой угнетенной страны, замѣтивъ при томъ, что онъ имѣетъ гораздо больше причины не дорожить собою. «Отецъ мой», писалъ Каразинъ: «екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла предъ открытіемъ главной кампаніи, окончившейся Кучукъ-Канарджійскимъ миромъ, и успѣхъ его превзошелъ ожиданія: ему по словамъ многихъ тогдашнихъ генераловъ, не мало была обязана армія Румянцева своими побѣдами. Онъ рисковалъ только своею жизнью. То же могу сдѣлать и я, имѣя при неменьшей можетъ быть отважности гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями; ибо рискнувши въ надеждѣ быть полезнымъ моему отечеству поставить на карту не только все мое скудное достояніе, но даже и милости лучшаго изъ монарховъ, я *проиhrалъ все, рѣшительно все, кромѣ несчастнаго моего во-ображенія, которое, унося меня безпрестанно внѣ сферы обычныхъ дѣлъ, не перестанетъ, вѣроятно, никогда творить сладкія мечты*». Далѣе Каразинъ умолялъ не оставить своего ходатайства безъ удовлетворенія, находя, что отъ турецкой исторіи останется одна тѣнь въ случаѣ такой поддержки Россіи, такъ какъ весь Балканскій полуостровъ придетъ въ движеніе. Бхоть въ Сербію онъ боялся на свой страхъ и предлагалъ, въ случаѣ неудачи миссіи, правительству право отказаться отъ нея, какъ предпринятой по собственной инициативѣ участниковъ ¹⁾. Черезъ недѣлю Каразинъ подалъ новую записку кн. Чарторыжскому. Здѣсь онъ изложилъ *программу* дѣйствій русскаго правительства по разрѣшенію сербскаго вопроса; исполненіе программы В. Н. Каразинъ принималъ на себя. Сперва Чарторыжскій долженъ былъ представить сербскимъ депутатамъ Каразина, какъ уполномоченнаго Россіей руководителя сербскими дѣлами. Въ сопровожденіи 4 лицъ Каразинъ отправился бы съ подложными паспортами чрезъ Вѣну и Триестъ въ Рагузу. Достигнувъ Карпатскихъ горъ, Каразинъ уничтожаетъ всѣ свои бумаги и подъ именемъ серба, возвращающагося на родину послѣ долгой службы въ Пруссіи, является въ Сербію. Тамъ онъ встрѣчается съ зна-

---

¹⁾ Вмѣстѣ съ Василиемъ Назаровичемъ должны были отправиться четыре добровольца, изъ которыхъ одинъ былъ бы механикъ, другой — химикъ, третій минералогъ, а четвертый — сербъ долженъ былъ играть роль секретаря при эмиссарѣ миссіи.

комыми ему депутатами и, поддерживаемый ихъ вліяніемъ, учреждаетъ временное правительство. Последнее отправить по настоянію Каразина депутацію въ Константинополь съ требованіемъ улучшенія участи сербовъ, дарованіемъ Сербіи самоуправленія, съ условіемъ платить извѣстную дань, разъ навсегда опредѣленную, и защищать Турцію отъ непріятностей. При такихъ условіяхъ незамѣтнымъ образомъ свершится полное освобожденіе Сербіи», «просвѣщеніе и неминуемое паденіе Порты будутъ къ тому содѣйствовать» ¹⁾. Дошелъ ли проектъ о сербахъ до государя или нѣтъ—трудно сказать; повидимому, Каразину не было дано никакого заключенія на этотъ счетъ.

Въ запискѣ 21-го ноябрю Василій Назаровичъ указывалъ между прочимъ на разстроенность своего состоянія. Черезъ нѣсколько дней Каразину было повелѣно императоромъ «изяснить свое положеніе». Каразинъ составилъ бумагу, въ которой самъ характеризовалъ свои труды на пользу отечества въ періодъ 1801—1804 гг. и приписывалъ свой огромный долгъ (40000 р.) единственно рвенію своему на пользу отечества. Документъ этотъ очень интересенъ, какъ характеристика положенія Василя Назаровича Каразина тотчасъ послѣ отставки ²⁾. «Легко доказать», писалъ Каразинъ: «что я пріобрѣлъ долгъ, совершенно уничтожающій мою собственность въ послѣдніе годы моей службы, не расточительною однако жизнью, къ которой я не имѣю ни привычки, ни даже способностей. Несчастная увѣренность, что я могу служить Вамъ не по общимъ путямъ, увѣренность, которую поддерживали во мнѣ самыя милости Ваши, устремила меня на предпріятія, далеко превышающія мое состояніе. Большая часть покушеній опрокинуты препятствіями; но изъ тѣхъ, кои имѣли предметомъ край моего рожденія,—конечно, одинъ изъ лучшихъ въ Россіи,—не всѣ остались и безуспѣшны. Въ двухъ губерніяхъ правительствомъ неожиданный энтузіазмъ къ просвѣщенію представилъ ему до 600 т. руб.; многіе молодые люди поощрены къ усовершенствованію себя въ наукахъ, художествахъ, въ г. Харьковѣ водворены 27 новыхъ ремеслъ, мысли тамошняго купечества обращены съ выгодною на полуденную торговлю, переведено съ чужихъ языковъ до 15 книгъ разнаго рода, приспособленныхъ къ общепароднымъ пользамъ края того, которыя и ждутъ только харьковской типографіи для своего изданія въ свѣтъ, и прочее. Нѣкоторые недостатки въ сихъ мѣрахъ извиняются тѣмъ, что учреждали ихъ не соревнованіе капиталистовъ, ниже мощная

¹⁾ Русск. Стар. 1871 г. т. III, стр. 701—718.

²⁾ Русск. Стар. 1903 г. апрѣль 9—10.

рука правительства, но одинъ маловажный, оною поддерживаемый дворянинъ скудными своими способами. Я не называю за-
слугами сихъ движеній худо можетъ быть понятаго патріотизма,
стыжусь также приводить на память подобные сему порывы въ
другомъ родѣ, кои вы нѣкогда удостаивали самаго лестнаго имени.
Не отягощаю вниманія Вашего доказательствами, что между
тѣмъ и обыкновенная моя служба не потерпѣла, ибо я былъ
единственнымъ письмоводцемъ по части департамента просвѣщенія,
отъ самаго его, такъ сказать, зарожденія въ умѣ Вашемъ до
окончанія послѣднихъ знатнѣйшихъ изъ его учреждений непосредственно
по отставкѣ моей, на высочайшее Ваше утверждение поднесенныхъ.
Но я долженъ признаться, всемилостивѣйшій государь, что во всѣхъ
оныхъ случаяхъ дѣйствія мои сопровождала надежда, что Вы меня не
оставите, если я буду въ крайности... Теперь превратное понятіе о
безвиныхъ моихъ (по крайней мѣрѣ) пожертвованіяхъ общему добру,
удаленіе отъ службы, вынужденное страхомъ еще худшихъ послѣдствій,
ѣдкія насмѣшки эгоистовъ и послѣдняя нищета составляютъ все, что мнѣ въ
удѣлъ достается. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ я лично не умѣлъ из-
влечь ничего болѣе изъ счастливѣйшаго моего, повидимому, по-
ложенія. Сжальтесь надо мной, государь! Предубѣжденіе, что я
вамъ и отечеству могу быть полезенъ, выше званія своего, и
младенческое, можно сказать, невѣжество въ обращеніи съ раз-
ными сильными лицами—вотъ единныя вины.—Я прошу отъ васъ
не наградъ или отличій, которыя иной на моемъ мѣстѣ съ луч-
шимъ соображеніемъ обстоятельствъ давно бы имѣлъ, но только
вспомоществованія, приличнаго вашей великой и сострадательной
душѣ». Для поправки своего состоянія Каразинъ просилъ у го-
сударя разрѣшенія получить изъ казны въ долгъ 25.000 руб. на
безпроцентное пользованіе въ теченіе 10 лѣтъ. Прошеніе Кара-
зина «по прочтеніи» было возвращено автору, «такъ какъ шло
не общимъ путемъ»¹⁾.

Предложеніе и просьба В. Н. Каразина, повидимому, были
отвергнуты, и онъ отправился доживать свою долгую жизнь въ
родовую деревню Кручикъ. Больно было ему подумать при про-
ѣздѣ чрезъ Харьковъ, что не ему пожинать лавры своихъ тру-
довъ, что некому теперь хлопотать о его дѣтищѣ и что можетъ
быть еще долго будетъ напоминать объ университетѣ одна только
преждевременно прибитая вывѣска. Виновику основанія универ-

---

¹⁾ Русск. Ст. 1903 г. апр., стр. 7—10, прим. 2.

ситета ¹⁾ *долженъ былъ* не вмѣшиваться въ дѣла его съ 27 августа 1804 г. Другой вопросъ, могъ ли это сдѣлать Василій Назаровичъ; могъ ли онъ, положившій всю свою душу въ свой университетъ, выдвинутый имъ какъ авангардъ въ дѣлѣ преусибѣнія своего полуденнаго края, ради котораго онъ загубилъ свое имѣніе, лишился благоволенія «власть имущихъ» и государя (котораго такъ сильно чтилъ), ради котораго погубилъ свою небывалую блестящую карьеру? Онъ не могъ сдѣлать этого, потому что университетъ былъ учрежденіемъ роднымъ ему, вылившимся непосредственно изъ его идеи, его плановъ и дѣйствій, и всѣ переделки его на «пѣмецкій манеръ» ²⁾ не могли охладить у В. Н. Каразина любви къ своему дѣтищу. До конца своей жизни В. Н. Каразинъ заботился и, чѣмъ могъ, способствовалъ Харьковскому университету. Еще въ концѣ 1804 г. онъ прислалъ въ подарокъ Харьковскому университету электрическую машину работы «художника» Шеннина ³⁾; въ 1806 г. предлагалъ напечатать собственный переводъ нѣсколькихъ книгъ, и университетъ призналъ ихъ «полезными» напечатать на университетскій счетъ ⁴⁾, онъ же подарилъ и древній атласъ Птолемея, состоящій изъ 40 картъ и др. Въ свою очередь, и университетъ въ лицѣ своихъ представителей не могъ не чувствовать расположенія къ В. Н. Каразину и хорошо зналъ роль Каразина при открытіи въ Харьковѣ университета. Уже 10 іюня 1805 г., профессоръ Балень-де Балью внесъ въ совѣтъ университета предложеніе объ избраніи Василя Назаровича почетнымъ членомъ университета; но въ это время слишкомъ свѣжо было въ Харьковѣ и Петербургѣ воспоминаніе о непріятностяхъ по дѣлу объ эстампахъ и художникахъ, прекратившемуся только въ началѣ этого мѣсяца ⁵⁾, почему предложеніе и было отклонено, какъ несвоевременное, а въ въ 1811 г. 30 авг. совѣтъ университета торжественно причислилъ Каразина къ почетнымъ членамъ Харьковского университета, официально

¹⁾ Вопросъ о Василя Назаровичѣ Каразинѣ, какъ объ основателѣ, рѣшенъ окончательно, начиная съ официальнаго признанія въ 1811 г. совѣтомъ университета, отзывами современниковъ (Тимковскій, Роммель) и кончая специальными изслѣдователями (Фойгтъ, Лавровскій, Абрамовъ, Данилевскій и проф. Д. И. Багалъй).

²⁾ Фил. Вас. Каразинъ. Русск. Арх. 1894 г. т. I.

³⁾ «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалъя стр. 147.

⁴⁾ Одну въ томъ году, прочія 3 въ слѣдующемъ. «Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія» 1842 г. янв. 101.

⁵⁾ Проф. Д. И. Багалъй. Опытъ исторіи Харьковского университета т. I, гл. II, стр. 111—112.

признавъ его заслуги слѣдующей мотивировкой избранія: «Ad hunc virum eligendum senatus praeter eximias cognitiones, quibus excellet, etiam quodam grati animi sensu impulsus est: quia eius singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta» ¹⁾).

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію послѣдующей жизни Василія Назаровича, отличающейся новымъ характеромъ его дѣятельности по сравненію съ періодомъ до 1805 г., сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о его внѣслужебныхъ занятіяхъ въ періодъ официально-политической дѣятельности съ 1801 по 1804 г.г. Такія занятія были; мы упоминали о нѣсколькихъ уголовныхъ разслѣдованіяхъ, секретно поручаемыхъ Василю Назаровичу государемъ (дѣло Лопухина, о братоубійствѣ), о разработкѣ имъ статута ордена св. Владиміра, учрежденнаго Екатериной II и уничтоженнаго императоромъ Павломъ (В. Н. Каразинъ рѣшилъ за полезное возстановить орденъ для отличенія «мирныхъ гражданскихъ добродѣтелей»). Есть упоминаніе о *рукописномъ* педагогическомъ журналѣ, который составилъ Каразинъ для вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, «гдѣ помѣщались въ видѣ разныхъ аллегорическихъ разсказовъ мысли его о воспитаніи дѣтей ²⁾». Въ маѣ 1801 г. Каразинъ подалъ Д. П. Троицкому своей проектъ о реформѣ губернскихъ и уѣздныхъ установленій. Это «мысли относительно до присутственныхъ мѣстъ». По составу своему это историко-политическое изслѣдованіе. Каразинъ въ этомъ сочиненіи провелъ мысль о необходимости установленія *избирательныхъ* должностей въ составъ гражданского и уголовного суда, и при томъ избирательныхъ въ духѣ императрицы Екатерины II («да судятся всѣ состоянія себѣ равными»);

---

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. янв. 104

Въ «Дѣлѣ совѣта Императорскаго университета объ утвержденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ сего университета 1811 года» на 9 листѣ значится: «Совѣту Императорскаго Харьковскаго университета. По избранію Совѣта я утверждаю въ званіи почетныхъ членовъ сего университета: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: академика Фуса, академика Озерцовскаго, профессора Московскаго университета Рихтера, Директора департамента министерства просвѣщенія Мартынова, также профессора Гальскаго университета Шпронгеля, статскаго совѣтника и академика Шторхъ, надворнаго совѣтника и академика Шерера и статскаго совѣтника Каразина. (Подпись) Г. Алексѣй Разумовскій. № 3352. С.-Петербургъ октября 22-го 1811». Архивъ Харьк. университета, дѣло совѣта за № 5.

²⁾ Записки сына „Украин. Стар.“ 148.

члены судебных учреждений, по мнѣнію Каразина, должны избираться тѣмъ обществомъ, среди котораго имъ придется дѣйствовать ¹⁾. «Слѣдствіемъ сей бумаги была извѣстная перемѣна въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Но предсѣдателей и совѣтниковъ все-таки оставили. Жаль разстаться (особливо, напр., съ С. или М.). У насъ такъ и бываетъ обыкновенно. Строятъ домъ да не достроютъ крыши», приписалъ В. Н. Каразинъ къ оригиналу ²⁾. Сфера дѣятельности Каразина оказывается и тамъ, гдѣ ея нельзя никакъ было предполагать. Изъ нѣсколькихъ писемъ Сперанскаго видно, что въ своихъ законодательныхъ работахъ, касательно крестьянскаго сословія, этотъ дѣтель пользовался услугами и совѣтами В. Н-ча ³⁾.

Итакъ, съ конца 1804 г. (вѣроятно въ декабрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ 27 ноября была подана записка Чарторыжскому) Каразинъ поселился въ своемъ селѣ Кручикѣ; дѣятельность его въ теченіе 3 лѣтъ, которые сыграли такую роль въ его жизни и составили ему извѣстность ⁴⁾, прекратилась, но труды, предпринятые Каразинымъ, двигались по инерціи; тому помогали люди, сочувствовавшіе идеямъ Каразина, знавшіе и любившіе его.

1) „Чтенія въ Общ. Ист. и древ.“ 1863 г. т. III. Смѣсь, стр. 119.

2) Тамъ же, стр. 122.

3) Въ одной запискѣ Сперанскій пишетъ: „Весьма, весьма Вамъ благодаренъ; я сижу точно какъ въ туманѣ, окруженъ мыслями о законахъ, о установленіяхъ, о порядкѣ, коего тщетно въ мірѣ и головѣ моей ищу и который нахожу въ Вашихъ бумагахъ. Теперь начинаю писать наказъ. Завтра ожидаю Васъ поутру; если не застанете меня дома, прошу немного подождать: я въ 7½ возвращусь“. На особомъ листкѣ приложенномъ къ этой запискѣ значится:

„1) о крестьянахъ	{	1) обѣщаніе
		2) источники коммерціи
		3) мѣстное управленіе.

2) о государственныхъ дѣлахъ, какія есть государственныя дѣла или какіе должны быть предметы управленія совѣта“. Т. е. благодарю очень за присланную бумагу, которой я воспользовался да прошу прислать еще мысли ваши о томъ то и о томъ то. Расположеніе, которое скользитъ замѣтно въ этомъ и другихъ письмахъ Сперанскаго къ В. Н. Каразину исчезло, какъ скоро судьба В. Н-ча перемѣнилась. Харьк. Губ. Вѣд. за 1875 г., № 241: здѣсь 3 письма Сперанскаго къ Каразину.

4) Лавровскій 1872. янв. стр. 100. Обращаемъ также вниманіе на подчеркнутыя слова въ запискѣ о сербахъ самого Каразина.

17 января 1805 г. состоялось торжественное открытіе Харьковскаго университета. Церемоніаль открытія былъ составленъ Василиємъ Назаровичемъ, приурочившимъ его еще къ 1803 году. Этимъ первоначальнымъ проектомъ и воспользовался Тимковскій. «Въ основу всѣхъ почти торжествъ была положена мысль о *просвѣщеніи*, которое императоръ Александръ старался распространить среди своихъ подданныхъ» ¹⁾. Виновника торжества не было на празднествѣ: «упрямая судьба» помѣшала ему порадоваться вѣнцомъ своихъ трудовъ, но всѣ знали роль его въ открытіи университета и воздали въ то время невольную дань уваженія и признательности Василию Назаровичу. Вотъ какъ характеризуетъ впечатлѣніе и благодарность общества по случаю открытія университета Василий Фотіевъ въ письмѣ къ Василию Назаровичу отъ 24 янв. 1805 г.: «17 января исполнилось наше желаніе и ревностнѣйшее попеченіе о благѣ общему. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостью; самые зоилы въ восторгѣ духа искали Вася, спрашивали и признавались, что счастьемъ симъ, сверхъ всякаго счастья, Украина Вамъ единственно обязана; тѣмъ, кои Вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и памѣренія Ваши извѣстиѣ прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли Ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала Вамъ насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій Вашихъ, *яко первому виновнику*, то конечно неззорная совѣсть утѣшитъ Вася не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такового памѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленному потомству» ²⁾. Это и подобныя ему извѣстія должны были радовать Василя Назаровича; они свидѣтельствовали, что противъ него только «упрямая судьба», что люди, дѣйствительно знавшіе его, не прервутъ съ нимъ сношенія и оцѣнятъ его по достоинству. Дѣйствительно, 1-го марта того же года Василий Назаровичъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета, который призналъ его таковымъ, «уваживъ отличную любовь къ наукамъ и извѣстную ученому свѣту патріотическую ревность къ распространенію отечественнаго просвѣщенія», а Михаилъ Никитичъ Муравьевъ ³⁾, сослуживецъ Василя Назаро-

¹⁾ Подробности открытія Харьковскаго университета и рѣчи, произнесенныя по этому поводу, мы нашли въ С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ за 1805 г. № 17.

²⁾ Сѣверн. Пчела 1860 г. № 92. Письмо 6,

³⁾ М. Н. Муравьевъ, товарищъ министра нар. просв.; съ 1803 г., какъ членъ Главн. Правл. училищъ, назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа (Сухомлиновъ. „Матеріалъ“ отд. II, прим. 15).

вича по главному правленію училищъ, препровождая ему упомянутый дипломъ, въ письмѣ отъ 28-го марта 1805 г. писалъ такъ: «Имѣвъ честь быть ближайшимъ свидѣтелемъ Вашей просвѣщенной ревности къ развитію полезныхъ знаній, въ отечествѣ нашемъ служащей, съ истиннымъ удовольствіемъ препровождаю при семъ Вамъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорскаго Московскаго университета, съ должною чувствительностью и признательностью участвующаго въ благосостояніи Россіи, соотчичей своихъ... Примите сіе яко достовѣрнѣйшій знакъ къ Вамъ моего истиннаго почтенія» ¹⁾... Мы цитировали упомянутыя письма, чтобы показать, что большинство общества не измѣнило своихъ отношеній къ Василию Назаровичу, что отставка, сфабрикованная въ Петербургѣ не могла очернить добраго имени Каразина, на виду у всѣхъ проводившаго свои честныя намѣренія. Переписка его со многими общественными видными дѣятелями не прекращалась до конца жизни, хотя годъ отъ году становилась рѣже ²⁾. Василий Назаровичъ получалъ письма даже и отъ такихъ лицъ, расположеніе которыхъ было очень сомнительно во времена его силы. Съ В. Н. Каразинымъ переписывались Державинъ, Троцинскій, Потоцкій и князь Салтыковъ ³⁾, графъ Кочубей, графъ Алексѣй Никитинъ ⁴⁾, князя Голицины ⁵⁾, архіепископъ курскій и бѣлгородскій Ѳеоктистъ, О. Козодавлевъ ⁶⁾, гр. Бенкендорфъ, гр. П. Киселевъ и др. Гр. Аракчеевъ, Коновницынъ очень любезно отвѣчали ему даже изъ-за границы. Насколько была крѣпка извѣстность Василия Назаровича въ высшихъ сферахъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Харьковѣ, которую онъ самъ отчасти поддерживалъ постояннымъ ознакомленіемъ общества съ своими открытіями и изобрѣтеніями. Съ ученымъ

¹⁾ Русск. Стар. 1900 г. Апр. стр. 185.

²⁾ Да это и вполнѣ естественно, съ теченіемъ времени отъ 1804 г. по 1842 г. люди, предъ глазами которыхъ Василий Назаровичъ возшелъ на высокую арену своей дѣятельности, сошли со сцены; время дѣлало свое дѣло, и заслуги Василия Назаровича позабывались мало по малу. Переписка Василия Назаровича особенно сильна была въ періодъ его дѣятельности по филотехническому обществу (1811—1818 г.г.). Особенно въ 1811 г., т. е. тогда, когда Василий Назаровичъ снова сталъ замѣтнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

³⁾ Фельдмаршалъ.

⁴⁾ Начальникъ южныхъ восточныхъ поселеній.

⁵⁾ Одинъ изъ нихъ Дмитрій Голицинъ—Московскій Главкомандующій.

⁶⁾ Министръ внутреннихъ дѣлъ.

міромъ у Василя Назаровича была горячая переписка. Сохранились письма В. М. Каразина, члена общества любителей русской словесности, А. Прокоповичъ-Антонскаго, И. О. Тимковскаго, А. Г. Тройницкаго, О. Глинки, А. А. Палицына всегдашняго друга В. Н. Каразина и многих другихъ ¹⁾. Сочувственное отношеніе общества къ опальному Василю Назаровичу успокаивало его и сообщало энергію къ истолкованію новыхъ идей и плановъ, уже роившихся въ впечатлительной его головѣ. В. Н. Каразинъ рѣшилъ обратить свой Кручикъ въ идеальную общину, ей рѣшилъ онъ дать особыя лучшіе законы, судъ, просвѣщеніе и осуществить самостоятельно въ маломъ размѣрѣ тѣ идеи, которыя думалъ провести изъ Петербурга, изложивъ въ 1801 г. мечты свои имп. Александру I.

ГЛАВА VI.

Эмансипаторская дѣятельность

(съ 1804 г.).

Новый характеръ дѣятельности. Положеніе крестьянскаго вопроса въ началѣ прошлаго столѣтія. Отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу. Повинности крестьянъ с. Кручика ихъ помѣщику. Сельскія учрежденія: дума (въ Кручикѣ и Анашкинѣ), сельская полиція, рекрутская повинность, крестьянская опека, сборъ податей, общественная сумма, школа, положеніе причта въ селѣ. Результаты сельскихъ нововведеній.

Занятія въ Кручикѣ; переписка, письма къ государю (1805—1809 гг.) и 3-й арестъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ В. Н. Каразинъ является первымъ эмансипаторомъ изъ украинскихъ помѣщиковъ въ первую четверть прошлаго столѣтія. Реформы въ жизни обитателей села Кручика Василій Назаровичъ, какъ и слѣдовало ожидать, предпринялъ сразу и во всѣхъ отношеніяхъ. Въ первый же (1805) годъ своего пребыванія тамъ Каразинъ началъ улучшать матеріальное положеніе своихъ крестьянъ, урегулировавъ отношенія ихъ къ помѣщику, переведа крестьянскія повинности на болѣе точный денежный счетъ рабочаго дня и признавъ ихъ право соб-

¹⁾ Письма къ Василю Назаровичу Каразину отъ 1804 г. печатались въ „Русск. Стар.“ за 1870—1903 г.г., въ „Сѣверн. Пчелѣ“ 1860 г., нѣсколько въ „Кіевск. Стар.“ 1891 г., „Харьковск. Губ. Вѣд.“ 1875—1880 г.г. и др.